

НИКАС БЕЛОВРАНОВ

Верните мне имя

18+

Никас Беловранов

Верните мне имя

«Автор»

2026

Беловранов Н.

Верните мне имя / Н. Беловранов — «Автор», 2026

Турист в чужой стране в бессознательном состоянии попадает в больницу. В его карманах – чужие документы. Кто поможет вернуть ему собственное имя? Какую цену заплатят люди, которые будут спасать его? Ведь ни одно доброе дело не должно остаться безнаказанным!

© Беловранов Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Бездна	5
Глава 1. Предчувствие перемен	5
Глава 2. Знакомство в пивной	8
Глава 3. Поиск документов	13
Глава 4. Где я?	16
Глава 5. Новый пациент	21
Глава 6. Вокзальная рутина	26
Глава 7. Выездной концерт и рыбалка.	27
Часть 2. Расправить крылья	30
Глава 8. Вернуть интерес к жизни.	30
Глава 9. Первое панно.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Верните мне имя

Часть 1. Бездна

Глава 1. Предчувствие перемен

Теплый майский день близился к концу. Солнце, проглядывая между слоями легких облаков, занималось одним из своих любимых дел, рисовало на дорожках тени. Тени от деревьев и кустарников, тени от машин и прохожих. Тени от домов перемежались яркими пятнами отраженного от окон света.

По улице небольшого рейнского городка Эхинштайн шел молодой человек в форме полицейского с погонами старшего полицеймайстера¹ и полоской с именем Карл Тайфер на форменной рубашке. Выйдя со службы, он зашел в парикмахерскую поправить прическу, затем подошел к цветочнице и попросил ее сделать букет. Со стороны можно было подумать, что он отправляется на свидание с красивой девушкой, ведь букет имел богатый праздничный вид. Однако, как вскоре станет ясно, шел он вовсе не на любовное свидание. Его ждала любимая ... тетушка. Родная тетя, сестра его мамы. После недавних печальных событий она осталась для него самым близким человеком. Поскольку сестры жили недалеко друг от друга, Карл с раннего детства регулярно встречался с тетей. У той не было своих детей, и маленький Карлуша заполнял в ее душе место, которое обычно занимают собственные сорванцы.

Тетю звали Кларой, фрау Хотберг. Ее муж, Ганс Хотберг, тоже служил в полиции. Он погиб десять лет назад при задержании группы пьяниц, буянивших рядом со стадионом. С тех пор Клара жила одна. Другие мужчины ее не интересовали. Карл часто заходил к тете в гости. Карл никогда не крал у Клары кораллы, но это не мешало им забавляться, вспоминая известную скороговорку². Букет предназначался для украшения праздничного стола. Повод весомый – присвоение Карлу очередного звания. Старший, это вам не просто полицеймайстер, это уважаемый ценный сотрудник, у которого намного больше прав. Обязанностей тоже, не без этого.

Кларе Хотберг вы ни за что не дали бы пятидесяти трех лет. Небольшая полнота совершенно не портила ее. Каштановые волосы с рыжеватым оттенком дополнялись зелеными глазами с небольшими карими крапинками. Двигалась она мягко и плавно, как будто танцуя. Вот и сейчас, украшая праздничный стол, она перемещалась между кухней и столом в гостиной в такт с музыкой, негромко звучащей из радиоприемника.

Высокий канделябр разместился в центре стола, в его чашечках стояли цветные витые свечи. Из посудной горки Клара достала хрустальные бокалы, изящные фарфоровые соусницы, широкие плоские тарелки майсенского³ фарфора. В духовке истекали жиром свиные ножки. Гарнир, тушеная капуста, был приготовлен чуть раньше, томился в высоком сотейнике. Все было готово, не хватало только виновника торжества. Тот не заставил себя ждать, пришел без опоздания. Карл подал тетушке букет, она заставила его наклониться и поцеловала в щеку.

Они прошли в гостиную. Клара поставила букет в большую вазу, из бара достала две бутылки, с вишневым шнапсом и белым рейнским вином. Пока Карл открывал бутылки, сходила на кухню и принесла блюдо с запеченной рулькой. Карл наполнил бокалы и сел на свое место.

¹ Polizeihauptmeister – старшее звание на среднем офицерском уровне в Германии

² Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла кларнет

³ Продукция первой в Европе фарфоровой мануфактуры

– Ой, погоди, а свечи... – спохватилась она и достала с полки коробок со спичками.

– Нет, пожары устраивать – моя фишка, – сказал Карл, перехватывая ее руку. Он зажег все до единой свечки, затем выключил верхний свет.

– Как тебя поздравили на службе?

– Приезжал старший офицер из округа, перед строем зачитал приказ и вручил новые погоны. Мы с ребятами в этот же день сходили, выпили пивка по такому случаю, пообщались душевно.

– А что изменилось в службе?

– Я не столько буду по вызовам ездить, сколько подчиненных посылать. Раньше я в основном сам писал отчеты и другие бумаги, теперь больше буду читать, затем писать итоговые, по работе всей группы.

– Я рада за тебя. Давай за это дело по рюмочке шнапса.

– Спасибо!

Они подняли бокалы чуть выше уровня глаз, как бы салютуя друг другу, и выпили ароматную прозрачную жидкость.

– Фирменная рулька от тети Клары – такую больше нигде не готовят, – Карл расплылся в улыбке.

– Это рецепт моей бабушки. Она говорила, что когда готовишь, нужно добавлять в блюдо частичку своей души.

– Судя по тому, что твои угощения год от года хорошеют, душа от таких расходов не сокращается.

Карл обычно не страдал от отсутствия аппетита, вот и сейчас отрезал от ножки один кусочек за другим, не делая больших перерывов между порциями. Легкое белое вино делало трапезу еще приятнее.

Клара слегка наклонила голову набок и, прищурившись, посмотрела на молодого и красивого племянника.

– Нет, еще не встретил. – С усмешкой проговорил Карл.

– Ты о чем?

– О ком. Отвечаю на вопрос, который прячется в твоих глазах. Ты же хочешь спросить, встретил ли я ту девушку, которая понравится нам обоим.

– Почему обоим? Разве мало, если она понравится тебе самому?

– Мало. Ты – моя семья. Если я женюсь, моя избранница войдет в нее. Но если вам друг с другом будет плохо, то мне тоже будет плохо. Зато, если вы подружитесь, то я буду знать, что меня ждут сразу двое. Это хороший стимул, чтобы не делать на службе глупостей и ошибок, особенно с тяжелыми последствиями, и своевременно решать все вопросы. Приходить домой за полночь – плохой стиль.

– Я не собираюсь торопить тебя. Выбирай по сердцу. Но смотри, тебе скоро тридцать. Чем дальше, тем сложнее будет выбрать, а потом подладиться друг к другу.

За окном раздалась сирена скорой помощи. Машина проехала мимо их дома, от больницы в сторону окраины городка. Они дождались, пока сирена затихнет, настороженно переглянулись. Оба прекрасно знали, что такие поздние рейсы часто означали для них обоих новые задания на работе. Если вызов был по криминальному поводу, дополнительных полицейских вызывали в любое время дня и ночи. Клара знала это по работе собственного мужа. Ее после работы скорой обычно ночью не вызывали, зато придя на смену, она часто получала нового подопечного. Точно так же, как и другие медицинские сестры в госпитале, в котором она работала.

Эхинштайн небольшой городок, в нем всего один государственный госпиталь. Чтобы в экстренных случаях не везти больных в госпитали окружного центра, в здешнем работали несколько отделений, включая собственный родильный дом. В госпитальном парке было много

зелени, тропинок, по которым могли гулять пациенты, в одиночку, с родственниками, иногда в сопровождении медицинского персонала. В западной части парка радовал глаз небольшой пруд.

– Интересно, обратно она тоже с сиреной поедет? – озвучила Клара мучивший обоих вопрос. Разница объясняется в нескольких словах. Если жизни больного ничего не угрожает, ему могли оказать помощь и оставить на месте, либо доставить в больницу без особой спешки. Но когда счет идет на минуты, тогда сирена прозвучит повторно. Через десять минут они получили ответ на этот вопрос. Машина с включенной сиреной проехала в сторону госпиталя.

– Знаешь, пока тебе не позвонили, давай займемся сладким. – Клара сходила на кухню и принесла блюдо с ароматным яблочным пирогом, украшенным штрейзелем. Пирогу составили компанию кофейник, стоявший на подогреве, и молочник. Повезло, телефон Карла молчал, значит ничего криминального, по крайней мере такого, что требует оперативных действий, не случилось.

Съев два куска, Карл грустно посмотрел на оставшуюся часть.

– Не печалься, я тебе сейчас в коробку положу несколько кусочков, – Клара не в первый раз видела такой взгляд, прекрасно знала, что он означает.

– Спасибо! Ты чудесница.

Они еще немного пообщались, обсудили последние новости. Клара в конце разговора попросила Карла налить еще по рюмочке шнапса.

– Ты меня удивила, – сказал племянник, – сколько к тебе хожу, ты ни разу о таком не просила.

– Понимаешь, у меня предчувствие какое-то. Мне вдруг показалось, что этот вечерний вызов скорой коснется нас. Меня – точно, тебя, скорее всего, тоже. Не только по работе. Там это дело привычное, пришло – ушло – забылось. То, что произойдет, вполне может изменить нашу жизнь. Сильно изменить.

– Ты всерьез? Или вчера кино про Кассандру⁴ посмотрела?

– Всерьез.

⁴ троянская царевна, наделённая даром пророчества (миф)

Глава 2. Знакомство в пивной

На-до-е-ло!!! Всё надоело! Вообще всё! И все! Кого ни встретишь, все пристают и придираются. Всё им не то и не так. Подумаешь, портрет я вовремя не сделал. Ну да, не сделал. А как его вовремя сделаешь, когда с души воротит. Прическа у него неправильная, понимаете ли. Да она у него такая уже есть. Или будет через полгода, когда еще немного волос выпадет. Так или почти так думал Клаус Нойман, направляясь привычным маршрутом в пивную. Маршрут стал привычным за последние три недели. До этого Клаус ходил в другую пивную, в другом городе, но недавно случайно повстречал старого знакомого и приехал к нему погостить. Жил здесь, отдыхал от надоевшего окружения.

– Гретхен, мне как обычно, два пива и колбаски!

Расположившись за любимым столиком подальше от входа, Клаус приступил к ежедневному ритуалу, согревающему его душу в этом страшном мире, который день ото дня все меньше радовал его. Обычно он сидел за столиком в одиночку, потягивал пиво. Время от времени что-то ворчал себе под нос. Если в пивной было много посетителей, к нему кто-то подсаживался, Клаус продолжал ворчать, не обращая внимания на невольных слушателей. Благо у него от фразы до фразы могло пройти несколько минут. Фактически, ему не был нужен собеседник. Человек, сидящий с ним за одним столиком, мог молчать, мог отвечать на отдельные фразы, это почти никак не влияло на то, что говорил Клаус.

Сегодня за тем столиком, где расположился Клаус, никого не было. За соседним столиком сидел мужчина в сером костюме. Перед ним стояла кружка со светлым пивом и блюдечко с миндалем. Мужчина явно никуда не спешил. Он делал один-два глотка, ставил кружку на стол и откидывался к спинке стула. Картина была привычной, умиротворенной. Клаусу вдруг захотелось сидеть в одиночку. Он встал, перешел к соседнему столику, тронул мужчину за плечо и спросил, не возражает ли тот против компании. Мужчина махнул рукой в сторону второго стула. Жест можно было расценить, как приглашение. Клаус переставил свое пиво, тарелку с колбасками и сел за стол напротив мужчины.

Минут пять он сидел молча. Думал о чем-то своем. В голову опять полезли огорчительные мысли. Как всегда, не думая о собеседнике, Клаус затянул привычный набор претензий ко всему миру.

– Эхинштайн это дыра-шн. Самая глухая дыра на всем белом свете.

– Почему?

– Здесь жизнь стоячая, как в болоте.

Клаус отхлебнул пива, прожевал кусочек колбаски, через пару минут продолжил.

– Ничего не меняется. Тридцать лет назад здесь было всё то же.

– Тридцать?

– Тридцать, тридцать... Я еще в молодости отсюда уехал, недавно вернулся. Точно, ничего не меняется.

– ...

– Нет, не так. Стало хуже. Тогда мне было интересно жить. Теперь удивляюсь, что здесь вообще можно найти интересного. Эй, Гретхен, еще пива!

– Мне тоже кружку.

Официантка принесла новые кружки и поставила на столик.

– Большое спасибо!

– Большое спасибо, большое спасибо, большое пожалуйста... Постоянно это Danke schon⁵, Bitte schon⁶. Ну ладно, большое спасибо я еще понимаю, но что за дурь это большое пожалуйста? У этой Гретхен такая Гретхен-шн, как она в дверь-то с ней протискивается?

– ...

– Вообще бабы это зло. Всегда и везде. Когда она тебе нужна, ее не найдешь, нашел – не уговоришь. Зато когда она не нужна, тут как тут, не знаешь, куда деться.

– ...

– Моя последняя. Она меня задолбала. Слышь? Задолбала, говорю. Мы уже давно разбежались. Так нет, хоть раз в месяц, заявится и найдет, к чему привязаться. Вот в последний раз всю душу вымотала со страховкой-шн...

Клаус замолчал минут на пять.

– Про страховку она это... нудила, что я опять забыл оплатить за последние месяцы... капала, капала... пришлось сходить в банк, договориться, чтобы они каждый месяц переводили нужную сумму страховщикам... Ты скажешь, что она правильно сделала?

– Конечно.

– Да я понимаю, что правильно. Деньги в банке есть, теперь могу про переводы вообще забыть...

– ...

– Она же еще заставила карточку медстраховки обновить, чтобы я был больше на себя похож... Надо же какая стерва, заявила, что там фото молодого человека, я на него не похож.

– Точно не похож?

– Похож... но не очень. Тоже, нашла, чем настроение испортить. Я не так уж сильно изменился, а она всё про то, что морда круглая стала...

– ...

– А... вот... нашел. Смотри, на новой карточке я похож или нет?

– Да.

– Ладно, здесь похож. Но зачем было еще раз напоминать, что я не такой молодой. Я после этого неделю из дома не выходил, видеть никого не хотел.

– Никто не молодеет.

– Пока об этом не говорят, ладно. Но когда тычут в глаза... Обидно.

– ...

– Работы, опять же, стало меньше.

– Почему? Какой работы?

– Я художник. Раньше у меня заказов было так много, что я все не успевал сделать, отдавал заказы другим художникам-шн. А сейчас бывает, за неделю ни одного нового заказа-шн. Если дальше так пойдет, придется идти работать на улицу. Знаешь, как уличные художники работают?

– Видел.

– Надо пойти отлить...

– Да.

Они встали, прошли в туалет. Подойдя к раковинам, чтобы помыть руки, Клаус посмотрел в зеркало, расположенное над ними. В зеркале увидел отражение двух Клаусов. Отражения немного отличались, как будто одно было чуть постарше другого. Клаус подумал «Это что за чертовщина? Я что, уже до глюков допился? Или это два зеркала под углом? Нет, задняя стенка отражается ровно... А почему тогда два?»

⁵ Большое спасибо (нем)

⁶ Традиционный ответ на Danke schon («большое пожалуйста» по-русски не употребляется)

Он повернул голову. Рядом стоял мужчина, вместе с которым они пили пиво за одним столиком. Пока они там сидели, Клаусу не приходило в голову всматриваться в его внешность. Зато теперь, после первого шока, Клаус присмотрелся повнимательнее. Действительно, что-то похожее на эту физиономию Клаус видел каждый раз в зеркале, когда брился.

– Эй ты!

– Что?

– Посмотри в зеркало.

– Зачем.

– Посмотри. И я тоже посмотрю. Что видишь?

– Себя вижу.

– А меня.

– И тебя... погоди... ты хочешь сказать...

– О! Ты тоже увидел. Пойдем, за это нужно выпить.

Они вернулись за свой столик.

– Гретхен, нам еще по пиву! Да поживее-шн!

Выпив одним глотком полкружки, Клаус опять всмотрелся в случайного компаньона. Мастерство не пропьешь, глазомер и зрительная память у него пока не пострадали. Да, в зале было тусклое освещение, но даже при нем Клаус еще раз смог убедиться, что сходство между ними есть.

– Ты кто?

– Человек.

– А может быть, ты мне кажешься. Дай потрогаю... рука теплая... человек... живой... не глюк... надо же! ... Ты здесь давно?

– В пивной? Часа два.

– В Эхинштайне.

– Утром приехал.

– Раньше здесь бывал?

– Нет.

– В гости к кому-нибудь?

– Нет. А что.

– То есть ты тут никого не знаешь?

– Тебя знаю. Наверное...

– А еще?

– Никого.

– Ну, надо же.... Гретхен, еще два пива! За это тоже нужно выпить-шн.

Они посидели молча, каждый думал о чем-то своем.

– А я здесь вырос... Мальчишками в лесу часто играли. В этого, как его... Тилья Ул-лен-черт-его-шпигеля⁷⁷. Хорошее было время. И никаких баб рядом не было.

– Тиль это кто?

– Это нашенский Робин Гуд. Про Робина тоже не слышал?

– Про Робина слышал.

– Потом с парнями на мотоциклах гоняли... Свинство! Ну не могла она мимо пройти?

– Кто?

– Баба. То есть девка... одноклассница моя... проклятье мое.

– Почему проклятье?

⁷⁷ Тиль Уленшпигель – герой средневековых нидерландских и немецких легенд

– Я сначала не знал, что она проклятье. Рисовал ее... еще когда в школе учились... и когда на мотоциклах катались, тоже рисовал... А потом она, эта сучка... хвостом своим махнула... а я остался...

– ...

– Потом уехал отсюда... Гретхен! Дай мне чистый лист бумаги и карандаш!

На принесенном официанткой листе Клаус несколькими быстрыми штрихами нарисовал контур женской головы и повернул лист к собеседнику. Тот увидел, что голова нарисована необычно, сзади и немного сбоку.

– А почему так?

– Потому... Я в школе сидел сзади нее, так ее видел, так и рисовал.

– Ты ее любил? Хотя, что я глупости спрашиваю. Если до сих пор рисуешь, значит любишь.

– Может быть.

Они еще немного посидели, допивая пиво. Посмотрев на пустые кружки, Клаус сказал: – Хватит.

Они вышли из пивной. На улице было тепло и тихо. Листва на деревьях слегка шелестела, ловя порывы легкого ветерка. Солнце начинало клониться к закату, окрашивало стены домов в светло-розовый цвет.

– Ты никуда не спешишь?

– Нет.

– Слушай, а давай сходим туда, где мы играли в лесу. Это недалеко, за полчаса дойдем. Я там тебе такое покажу...

– Пойдем.

Они неторопливой походкой пошли вверх по улочке, ведущей к окраине города. Походка у обоих была не очень устойчивая, сказывалось количество выпитого. Извилистая разметка посередине тротуара, словно нарочно, пыталась сбить с правильного пути, вывести на полосу для велосипедов. Хорошо еще, что все велосипедисты уехали куда-то в другие места, никто не обратил внимания на это нарушение.

Через полчаса или около того они действительно дошли до крайних домов. Асфальт на дороге кончился. Дальше они шли по широкой тропе, посыпанной крупным песком. Еще минут через десять Клаус сказал, что нужно свернуть на боковую тропинку. Та была намного уже. Клаус пошел впереди, его спутник следом. Подъем в горку давался ему с трудом. Началась одышка, ноги подрагивали. Чтобы немного проветриться, снял костюм, остался в рубашке. Костюм перекинул через руку.

Наконец Клаус сказал, что они уже на месте.

– Видишь впереди густые кусты вокруг высокого дуба?

– Да.

– Нам туда. Сейчас найду, где можно пролезть.

Он попробовал в нескольких местах раздвинуть плотно растущие ветви, наконец, нашел такое место, где это получилось, и позвал за собой.

– Ты уже чувствуешь себя мальчишкой?

– Почти.

– Сейчас спрячемся в кустах, будем через них подсматривать, кто идет, и пугать.

– Как?

– Закричим по-совиному. Умеешь?

– Попробую.

Они протиснулись между ветвей. У самого ствола был небольшой пятчок, свободный от кустарника. На нем обнаружилась скамейка, на которой могли бы поместиться трое-четверо детишек.

– О! Надо же, какая теперь молодежь! Устроили удобства. Мы обычно сидели прямо на земле.

Они проверили, не сломается ли скамейка под здоровыми мужиками, и с облегчением расположились на ней. Клаус тоже снял костюм и положил на скамейку посередине. Как выяснилось, кусты за эти годы изрядно разрослись, тропинку и проходящих по ней людей не было видно.

– Это еще не все. Смотри сюда.

Клаус встал и поманил за собой. Они зашли с северной стороны от дерева и увидели большое дупло.

– Мы сюда прятали записки. Интересно, сейчас там что-нибудь есть. Давай ты попробуй.

Спутник просунул руку в дупло, нащупал там какую-то бумажку и вытащил ее. На бумажке были написаны цифры, по виду – дата и время. Дата была позапрошлого дня. Видимо, эту записку положили, а забрать не смогли. Теперь она уже никому не нужна.

Клаус сказал: – Нет, так не годится. Надо что-нибудь туда положить. Сейчас я посмотрю в костюме, спрячу. А ты потом заглянешь и найдешь.

Он обошел дуб, покопался в карманах своего костюма. Достал бумажник, прошел к дуплу и спрятал его.

Они вернулись к скамейке, немного посидели. Клаус сказал – пойди и найди, что там лежит. Можешь тоже что-нибудь спрятать. Его спутник сходил, вынул из тайника бумажник Клауса. Свою закладку завернул в пластиковый пакет и засунул в дупло. Вернулся к скамейке, подал Клаусу его бумажник. Как-то так получилось, Клаус не заметил, что кладет свой бумажник в чужой костюм. Положил и сразу надел его, поскольку к вечеру начало холодать.

Они еще немного посидели, расслаблено, почти до дремоты. Минут через десять спутник сказал, что, наверное, пора возвращаться. Он тоже натянул костюм, они выбрались из кустов и пошли под горку. До ближайшего туалета было далековато. Они на минутку притормозили, оросили придорожные кустики и побрели дальше.

Неожиданно рядом с ними взревел мотоциклетный мотор. Парень в черной кожанке погазовал и помчался по дорожке. Возмущенный Клаус кинулся бежать за ним, пробежал метров сорок и, поняв, что пешие догоняшки не дадут результата, остановился. Постоял пару минут, восстановил дыхание. О том, что они шли вдвоем, не вспомнил, двинулся вперед в одиночку.

Его спутник, испугавшись резких звуков, сделал несколько шагов в сторону. Оказался на небольшой поляне. В голове зашумело, ноги подогнулись, и он упал на траву, потеряв сознание.

Глава 3. Поиск документов

Утро следующего дня старшего полицеймайстера Тайфера ничем не отличалось от других. Серьезных происшествий не было, повседневную рутину не считаем. Тайфер завершил начатый вчера отчет по отработанному заданию, сдал его и присел отдохнуть, взяв стаканчик кофе. Дежурный по отделению полиции после очередного разговора по телефону написал на листе бумаги несколько слов и подал листок Карлу. На словах сказал, что позвонили из местного госпиталя и попросили съездить поискать документы. Вчера вечером скорая привезла человека без сознания. У него в карманах был единственный документ – карта медицинской страховки, и немного наличных денег. Банковских карточек тоже не было. Госпиталь проверил, карта активная, деньги на счету есть. Но другие документы тоже хотелось бы получить. Возможно, что они лежат поблизости от места, откуда забрали больного. Нужно посмотреть. На теле человека не обнаружено никаких повреждений. Раз нет синяков, ушибов и порезов, значит, он не был в криминальной ситуации. Просто потерял сознание по какой-то медицинской причине.

Скорую вызвала молодая женщина, которая случайно обнаружила человека, лежащего на земле. Парамедик, приехавший на вызов, записал с ее слов фамилию и номер телефона. Их дежурный написал на листке. На словах дежурный передал, что медики просили поблагодарить женщину за помощь.

Карл взял листок с данными, набрал указанный номер телефона. Трубку взяли быстро, после второго гудка.

- Фрау Морозова Лена?
- Фройляйн⁸. Я вас слушаю.
- Старший полицеймайстер Тайфер. Вы вчера вызывали скорую?
- Да.
- Мне нужно побывать на месте, где лежал человек. Вы сможете сейчас съездить со мной?
- Да, только предупрежу на работе.

Они договорились о месте и времени встречи. Карл должен был подъехать на Рейнштрассе, к кондитерской Мюллера. Через десять минут он был на месте. К машине подошла молодая девушка, одетая в блузку и джинсы. Светлые волосы свободно рассыпались по плечам. На лице почти не было косметики. Вид у девушки был встревоженный.

- Герр Тайфер?
- Доброе утро, фройляйн, садитесь рядом со мной.
- Девушка открыла правую дверцу и села на переднее сиденье.
- Куда ехать?
- На Людвигштрассе, до последних домов.

Карл развернулся на ближайшем перекрестке и поехал в указанном направлении.

– Медики просили передать большое спасибо за то, что вы помогли человеку. Погода сейчас теплая, но все равно ночевка на земле – не лучший вариант.

– Ой, спасибо! Я вчера так испугалась. Ночью долго не могла заснуть.

– Теперь можете успокоиться. Сейчас мы съездим туда, осмотрим место, где он лежал, а потом я вас отвезу, куда скажете. Мне нужно переговорить с вашим начальством, чтобы они не ругали за отсутствие на работе?

– Нет, не надо. Фрау⁹ Розита у нас с пониманием, скажу, что помогала полиции, никаких проблем не будет.

⁸ Fräulein – незамужняя девушка (нем.)

⁹ Здесь – хозяйка заведения (нем)

- Фрау Розита? Она же в центре работает, а не на Рейнштрассе.
- Да. Но мне все равно сначала придется заехать домой, переодеться в рабочее.
- Я могу ей позвонить.

– Не нужно. Вы назвали мое имя по паспорту, Морозова Лена. А у Розиты меня зовут по-другому. Там я Хельга Шмиц. А что? У нас почти все работают под другими именами.

Карл бывал в заведении у Розиты. Когда-то, сразу после окончания школы они закатились туда с друзьями, чтобы отметить переход к взрослой жизни. Позже ему периодически приходилось приезжать в этот дом с розовым светом в окошках по вызовам, если кто-то из клиентов начинал буянить. Сегодняшняя его попутчица совсем не походила на сотрудницу этого заведения. Скорее всего, из-за отсутствия макияжа. У Розиты и в других аналогичных местах обычно практикуют яркий, агрессивный макияж, алые губы, накрашенные брови и ресницы. Мушки на щеку тоже приклеивают.

Когда они доехали до крайних домов, Лена сказала, что нужно пройти по тропинке примерно двести метров.

- Как получилось, что вы его заметили?

– У нас вчера был выходной. Подружка предложила поехать с парнями покататься на мотоциклах. Без работы, конечно же. Наша фрау не разрешает нам работать на стороне. Ближе к вечеру мы возвращались по лесной дорожке, почти доехали до города, остановились на пару минут. Подружка вдруг начала ругаться со своим приятелем. К делу это отношения не имеет, там было что-то личное. Он вспылел, вскочил на мотоцикл и уехал, второй парень следом за ним. Мы пошли пешком. Тут я почувствовала, что не дотяну до туалета, решила спрятаться в кустах. Раздвинула ветки между двумя кустами, сделала три шага и наступила на ногу. Это было так неожиданно. Я отшатнулась, замерла на месте.

- Дальше.

– Сколько стояла, не знаю, наверное, пару минут. Потом собралась с духом, наклонилась посмотреть. Мужчина лежал на боку, правую руку вытянул вверх. Я наклонилась к лицу, услышала, что он дышит. Тихо-тихо, почти незаметно. Я его потрогала, а он не реагирует. Была там кровь или нет, я не видела. Но раз живой, нужно вызвать скорую. Я так и сделала. Пока они ехали, дошла до крайних домов, встретила их, привела на место. Второй раз в кусты не полезла. Дальше они все сделали сами. Положили его на носилки и увезли в госпиталь.

- Когда увидели его, не закричали?

- Нет.

- Вы смелая девушка.

– Нет, смелость – слишком громко сказано. Скорее наоборот, у меня от испуга горло перехватило, я боялась, что не смогу внятно говорить по телефону. Наверное, я говорила не совсем связно, хорошо, что они меня сумели понять. Машина приехала быстро.

За разговором они дошли до нужного места. Лена показала, между какими кустами она пробиралась. Карл увидел, что на прутьях было обломано несколько листьев и маленьких веточек. Они валялись внизу, под ногами. Осмотр он начал с внешней стороны кустов. Потом раздвинул ветки и прошел на полянку. Лена шла за ним.

- Покажите, где он лежал.

– Примерно здесь, – указала девушка. Здесь лежала нога, на которую я наступила. Рука была вытянута вот туда...

Место, где лежал человек, Карл осмотрел особенно тщательно. Потом начал зигзагами ходить по поляне, внимательно глядя себе под ноги, чтобы не пропустить ни одной мелочи.

- А что вы ищете, если не секрет?

– Не секрет. Его привезли в госпиталь без документов. Возможно, он их где-то здесь обронил.

– Я не брала, – в голосе девушки послышались слезы, – я, я... честное слово, я даже на полянку не выходила. Сразу попятилась, вышла на дорожку... Когда продышалась, позвонила.

– А подружка разве не с вами была?

– Нет, она в это время прошла вперед. Когда я выбралась обратно на тропинку, ее уже не было видно. Я вам дам ее телефон, она расскажет, что видела.

– Ну что вы сразу так пугаетесь? Медики мне сказали, что у мужчины в карманах были наличные деньги. Если бы рядом был вор, он скорее бы их забрал. Деньги можно как угодно потратить, а со случайно попавшими в руки документами нужно еще придумывать, как их использовать. Нет, на кражу здесь не похоже. Видимо, действительно, человеку стало плохо, он упал, потерял сознание. Еще раз говорю вам спасибо за своевременную помощь. Не надо плакать, успокойтесь, пожалуйста.

Единственным предметом, который удалось обнаружить в результате поисков, оказался обрывок кассового чека. Бумага была выгоревшая, она явно много раз побывала под дождем, потом высыхала. Скорее всего, она здесь пролежала больше года. И никак не была похожа на что-то свежее, пригодное для выяснения места, откуда ее принесли.

– Интересно, с какой стороны он пришел? – Тайфер вслух задал этот вопрос.

– Не знаю.

– Я это вообще-то себя спросил. Вы, когда рассказывали про вчерашний вечер, ни разу не упомянули, что видели в этом районе еще кого-нибудь, кроме членов вашей компании.

– Да, да!

– Давайте еще немного погуляем. Сначала в сторону леса, потом обратно к машине. Может быть, что-нибудь увидим.

Они прошли примерно полкилометра, осматривая местность по пути. На земле и траве не было ничего, хоть отдаленно напоминающего бумагу или пластиковые карточки. Поломанных веток на кустах тоже не попало. Пришлось возвращаться обратно. Участок от места событий и до крайних домов они осматривали еще более тщательно. С тем же результатом.

– Вы не знаете, что с ним будет, если документы не найдутся?

– Пока он в госпитале, его будут лечить. Карточка медицинской страховки сейчас его единственный документ. Главное, что это именно тот документ, который сейчас нужнее всего.

– А потом?

– А потом ему придется прийти в полицию, написать заявление об утере документов. Мы выдадим временное удостоверение, с ним придется ходить всюду, восстанавливая то, что потерял. Может быть, и не так уж много. Вы же, когда из дома выходите, не берете с собой сразу все документы. Два, три, те, которые нужны именно сейчас. Все остальное у него лежит, дожидается владельца. Оставшиеся документы облегчат ему восстановление утерянных.

– Значит, не все так страшно.

– Не очень страшно. Но время потратить придется. В каждом месте придется объяснять, как получилось, что документы были утрачены. Придется заплатить за дубликаты. Наши бюрократы умеют помотать нервы в таких случаях. И боюсь, что это не только в нашем городе и в нашей стране. Мне кажется, что так повсюду.

Карл отвез девушку обратно на Рейнштрассе, сказал, что ее еще могут побеспокоить, если потребуется внести информацию в протокол. Выразил надежду, что это не потребуется.

Глава 4. Где я?

Звон... звон... звон в ушах... сильный звон... заглушает все звуки... еще какой-то свист...

Звон... звон в ушах... сильнее, чем обычно... чуть слышно какое-то бряканье... еще звук холодильника... звон в ушах привычен с детства, но сегодня он глушит все вокруг.

Наверное, уже рассвело. Почему я ничего не вижу, кроме света? Ни одной линии, только светлый фон...

Ох, как ярко. Этот фон... получается, я сначала глаза не открыл... опять закрылись... Почему, ну почему так трудно держать глаза открытыми?..

Голос... нет, два голоса, мужской и женский... слов не разобрать... отдаляются... кажется, ушли...

Наконец, удалось открыть глаза. Потолок белый, на нем круглый плафон, комната широкая. Я лежу на чем-то упругом, на какой-то кровати... Жуткая слабость... Голова не поворачивается, спинки увидеть не могу... У меня дома такого плафона нет... Это что? Я в больнице?.. Что произошло?.. Ничего не могу вспомнить... Я ранен? Ничего не чувствую из-за анестезии?.. Или отравился?.. Немного тошнит... не сильно... Ничего, глаза уже открываются, хотя бы ненадолго... в больнице... будет обход... или сестра заглянет... спрошу... Устал! Глаза опять закрылись... Посплю...

Опять голоса... Почему они так неразборчиво говорят? Ни одного слова не понятно... На латыни, что ли?... Дурацкая манера, используют латынь, чтобы больной ничего не понял... первые слова вообще какая-то абракадабра, ни одного знакомого слова, только в конце какой-то цех. Какой цех может быть в больнице? Что-то я не то услышал. Потом другое... глюкозеинфузион это что?.. Хотя здесь, кажется, что-то понятно. Глюкоза, она и в Африке глюкоза. Моему знакомому ставили капельницу с глюкозой, когда он лежал и не мог питаться нормально... Вот и я лежу... интересно, сколько дней? Или не дней? А если подумать?... Глюкозу назначают один раз и до отмены. Повторно про нее не говорят. Значит лежу я не так уж и долго, день, максимум два... Ушли...

Открыл глаза, никого не вижу. Все тот же потолок и плафон на нем. Глаза опять закрылись... сами...

Что-то давит на руку... выше локтя... отпустило... что это?.. вроде ничего не происходит, только у локтя, внутри, что-то появилось... надо посмотреть... сейчас полежу минутку, наберусь сил, открою глаза...

Рядом с кроватью тонкая стойка, на ней бутылочка с чем-то прозрачным, вниз идет трубка... ах да, это же капельница. Что-то там говорили про глюкозу... Как говорится, расслабьтесь и попытайтесь получить удовольствие... А что мне еще остается? Спим дальше.

Тихо. Открыл глаза. Капельницы уже нет. Повернуть голову пока не могу. Глаза закрылись...

Трогают меня за руку... Плечо... Что-то кольнуло... Больно!.. Язык не слушается, сказать не могу... Плечо больше не трогают, а боль мне оставили... Да, уколы же бывают больные... Интересно, что со мной? А главное, как долго придется лежать? И потом, сколько приходиться себя после лечения? Отпуск, похоже, накроется. Я же привык отпуск проводить активно,

много ходить, много ездить. После болезни придется какое-то время поосторожничать. Вместо интересной поездки отправиться туда, где прогулки недалеко и по расписанию. В смысле, в какой-нибудь санаторий. Там бывает комфортно, но скучно. Или очень скучно. Пешком по городам и горам намного интереснее. Я же с прошлого отпуска планы строил, выбирал места, где можно побывать. Маршруты рисовал. Придется все это отложить на следующий год. Что отложить? Не буду вспоминать, чтобы меньше огорчаться.

Голова понемногу проясняется. Надо вспомнить, что за абракадабру они говорили? Как там было? Что-то вроде пульсахундфирцех. Скороговоркой. Как это разобрать? Пульсах – что это такое? А уднфир? И какой здесь цех? Какой-то смысл в этом должен быть, вот только какой?.. Мысли тяжелые, еле ворочаются... Наверное, надо еще глюкозы капнуть... Пока еще посплю.

Опять два голоса. Что-то балаболят, не понять... Снова абракадабра, но другая, какой-то пульсвайундфюнцех. Цех я еще в прошлый раз отличил, но не понял, зачем он. В начале слова похожие буквы. Там был пульсах, здесь пульс... точно, в обоих случаях был пульс. А никакой не пульсах. Если пульс отделить, получится... получится цвайундфюнцех... Боже мой, я же знаю, что такое цвай. Они сказали цвай-унд-фюнфцих¹⁰. Тогда в прошлый раз было ахт-унд-фирцих¹¹. Они говорили про пульс. Который в прошлый раз был сорок восемь ударов, а теперь пятьдесят два. Голова кругом!

Как это принято спрашивать, вам сначала хорошую новость или плохую? Хорошая новость заключается в том, что пульс у меня, а про кого же еще им говорить рядом со мной, поднялся с сорока восьми до пятидесяти двух. Плохая – что говорят об этом почему-то по-немецки. И это странно. Что-то я не слышал про то, чтобы в наших больницах практиковали немецкие врачи. Даже если бы нашелся такой практикант, с ним наверняка будет переводчик. А может, они ничего при мне не говорили по-русски, потому что думают, что я все еще без сознания. Спрашивать такого больного бесполезно, ничего не ответит, потому что переводчик и не говорит.

А еще одна хорошая новость, это что я потихоньку восстанавливаюсь. Шевелить руками и ногами еще не могу, а мозгами уже получается получше. Без зависаний на две минуты и без отключек. Надеюсь, что когда они придут в следующий раз, я смогу открыть глаза и увидеть, что это за немецкие студенты или стажеры, которых пустили работать с русскими больными.

Опять тихо. Темно. На потолке неяркие полосы света, как будто от уличных фонарей через окно. Небольшие блики на плафоне. Верхний свет выключен. Если скосить глаза, то видна яркая маленькая зеленая полоска. Видимо, там дверь, выход из палаты.

Звон в ушах по-прежнему есть, ночью он слышнее. Но все равно, уже не такой оглушающий, чуть громче привычного.

Попробую пошевелить руками. Левая, в которую втыкали иглу капельницы, не шевелится. Зато правую потихоньку удалось поднять. Трогаю голову, лицо. Бинтов нет. Пластырей тоже. Это тоже хорошая новость. С остальным будем разбираться постепенно.

А пока надо подумать о том, почему со мной работают немецкие медики. Вариант со стажировкой, наверное, возможен. Но очень уж маловероятен. Тогда напрашивается второй вариант. Я нахожусь в немецкой больнице, попал туда без сознания. Значит, я таки поехал в отпуск, как и собирался. Действительно, в моих планах была поездка вдоль Рейна. Еще немного, и вспомню, сколько дней я уже нахожусь в Германии, и до какого города успел доехать. Утром проверю. Если придут молодые медики, стажеры, тогда останется подождать, пока не выберусь

¹⁰ zweiundfünfzig – пятьдесят два (нем)

¹¹ achtundvierzig – сорок восемь (нем)

из палаты. Там я смогу пообщаться с нашими людьми, не с сестрами, так с другими больными. А если... тогда буду думать дальше.

Кажется, я выпался. Глаза открываются легко... почти. Правая рука движется нормально, левая немного болит, но тоже движется. Повернул голову в сторону двери. Ждем, кто придет...

Опаньки!!! Дама лет на десять-пятнадцать моложе меня. На студентку никак не похожа. Увидела, что я смотрю на нее, и сразу с порога: Morgen!¹² В смысле, доброго вам утречка! Ладно, это слово усваивается русскими туристами одним из первых. Дальше было похуже. Я пока не решаюсь ей отвечать. Причина уважительная, человек без сознания долго был, значит, вполне может быть плохо с головкой.

А она молодец. Говорит не спеша, все слова выговаривает четко. Моя проблема, что я и в таком темпе их понимаю через два слова на третье. Но пока буду отвечать жестами, так безопаснее.

На стул рядом с кроватью положила взятые из шкафа вещи. Да, я же лежал под одеялом без одежды. Как раздели, когда привезли, так и оставили лежать, только одеялом легким прикрыли. Она это одеяло в сторону откинула, наклонилась ко мне. Взяла за плечи и аккуратно так помогла сесть. Перед тем еще ноги чуть переложила, чтобы садиться было удобнее. Когда сел, расправила и помогла надеть рубашку. Прodelа ноги в штанины, потянула меня, чтобы я встал на ноги, и подтянула штаны наверх. Рубашка и штаны явно не мои, размер чуть великоват. Но зато одеваться было легко.

Держит меня за руки, ведет за собой. По палате. До окна, потом обратно. Под шаги проговаривает: левой, правой, левой, правой... И так несколько раз подряд, туда и обратно. Ноги после долгого лежания слабые, подрагивают. Мышцы немного покалывает. Сначала я шаркал ногами, шел, чуть согнувшись. Постепенно фигура выправлялась, шаги становились увереннее. Конечно, это далеко не та скорость, с которой ходят здоровые люди, но для первой прогулки после долгого лежания неплохо.

Погуляли, довела до кровати, усадила. Что-то спросила. По ситуации уместен вопрос, не хочу ли прилечь? Так вроде и не хочу. Поставила передо мной небольшой столик. Сказала «айн момент»¹³ и вышла за дверь. «Айн момент» в России перевода не требует. Через минутку принесла тарелку с ложкой и стакан. В тарелке какая-то мягкая каша, похоже, что овсянка. В стакане – кофе с молоком. Попробовал зачерпнуть кашу ложкой, понес ко рту. Она руку перехватила. Потому что моя рука ложку понесла куда-то ко лбу. Дальше, как в детстве, ложечку за папу, ложечку за маму. И так, пока дно в тарелке не завиднелось. Позавтракал, теперь можно и поспать. Она помогла лечь, накрыла одеялом. Дальше тишина.

В палате светло. Рядом никого нет. Лежу под одеялом, на мне чужие рубашка и штаны. Сесть, что ли попробовать? Нет, не буду. Ситуация неожиданная и неопределенная, не будем спешить. Пока никто не мешает, надо обдумать, как быть дальше.

Одежду с меня сняли, в ней документы. Паспорт, визитка страховой компании. Текст на визитке на двух языках, на русском и английском. Рядом телефоны. У них есть возможность позвонить в страховую компанию и сообщить, что меня привезла скорая. Без сознания. Наверное, у страховщиков этот вариант предусмотрен. Но есть одна пакость. Нас предупреждали, что деньги страховщики платят не сразу. Человеку приходится оплатить услуги медиков самому, взять счета и чеки, а потом, вернувшись домой, пойти в страховую компанию и там получить

¹² Утро (приветствие: Доброе утро) (нем)

¹³ ein Moment – один момент, минутку (нем)

деньги. Главный вопрос: а хватит ли у меня здесь денег, чтобы рассчитаться с больницей, оплатить вызов скорой. И что будет, если не хватит? Ладно, будем смотреть по ситуации.

До конца дня медсестра приходила еще три раза. Представилась. Ее зовут Клара Хотберг. Массировала мышцы на руках и ногах. Заставляла двигаться, потом кормила. Проговаривала свои действия, называла предметы. Слово массаж понятно без перевода.

Один раз приходил врач. Осмотрел, помял мышцы, поднял веки и посмотрел в глаза. Потом сказал что-то непонятное. Я на это никак не реагировал. Клара ему сказала что-то. Там было слово «шпрах» – «говорить». Может быть, она сказала, что я еще не говорю и мало что понимаю. Тогда врач жестами показал, мол, смотри на меня. Вытянул руку вперед, закрыл глаза и достал пальцем до кончика своего носа. Ага, понятно. Попробую сделать так же. Руку вытянул, глаза закрыл... А когда подтянул руку к лицу и открыл, увидел, что палец опять ушел куда-то наверх. Врач посмотрел на это. По выражению лица было понятно, что ему такой результат не понравился. Результат и мне не понравился. Врач сказал две фразы и вышел из палаты. Клара ушла следом.

Минут через десять она вернулась, принесла два шприца. Помогла мне лечь на живот, спустила штаны. Ой! Ой-ой-ой!!! Больно же! Сами уколы я не почувствовал. Боль появилась, когда она вводила препарат. Понятно, что это не сестра виновата, а лекарство такое. Но все равно больно. После укола она немного помассировала мышцы. Приятно. Боль чуть утихла. На спину я перевернулся сам, чуть позже.

На следующий день мной занялись всерьез. Делали массаж. Заставляли вставать и ходить по палате. Принесли два эспандера. Круглый пластиковый шарик-ёж – кистевой. Его нужно было сжимать в ладони. Пружинный эспандер для мышц рук и груди. Сначала в него поставили всего два эластичных шнура, но и такой он был для меня слишком тугим. Позже, через неделю с небольшим, когда я уже неплохо справлялся с ним, добавили третью пружину, потом четвертую. Уколы ставили по расписанию.

Завтраки, обеды и ужины приносили в палату. В отличие от первого дня этим занималась не медсестра, а другие люди. Руки стали крепче, координация восстанавливалась. На второй день я обедал в основном самостоятельно, на третий помощь за обедом мне уже не требовалась.

На четвертый день я рискнул выглянуть за дверь, посмотреть, как выглядит здешняя больница. Далеко для первого раза не пошел, до следующей двери и обратно. На двери моей палаты был прикреплен ее номер. Ниже в прозрачном кармашке – листок с текстом. Все по-немецки. Глаза зацепились за два имени в верхней части листа. Чуть ниже было написано имя моей медсестры. Оно распознавалось легко. А выше после слова «Пациент» стояло... нет, здесь какая-то путаница. На листке написано «Кlaus Нойман». Это что за бардак, у них висят старые листки? Тут я заметил, что внизу стоит дата. Повернул голову. Неподалеку висело электронное табло, показывающее дату и текущее время. Дата на листке была сегодняшняя. А моего имени на листке не было. И что бы это значило?

Клара, обращаясь ко мне, иногда произносила слово Клаус. Я думал, что это потому, что ей так удобнее. Ведь Николай, Николя, Клаус, это одно и то же имя на разных языках. Я уже привык отзываться на Клауса. Нойман, Нойман... где-то я это слышал... или видел. Может быть, по телевизору. Не самая распространенная в Германии фамилия, но и не самая редкая. На мою совершенно не похожа. Как можно было спутать меня и какого-то Ноймана. Хваленый немецкий порядок, тоже мне. Рассуждая так, я зашел в свою палату, сел на кровать.

И тут в голове что-то щелкнуло, до меня дошел весь ужас ситуации. Если меня здесь называют Нойманом, значит, при мне не было документов. Моих документов. Зато были документы этого самого Ноймана. Вот меня по ним и записали. Никто в мою страховую компанию не звонил. Если бы звонили и называли фамилию Нойман, то страховщики сказали бы, что

полис на такую фамилию они не оформляли. И тогда ко мне давно бы пришли для выяснения личности. Но ко мне никто с этим вопросом не приходил. Меня лечат. Лечат меня, а считают, что лечат Ноймана.

И что же дальше? Боже, внезапно мне стало понятно, что мои думы про оплату больничных счетов, те, которыми я маялся три дня назад, это были пустяки. Рано или поздно этот самый Нойман где-нибудь проявится, его спросят про здешнюю больницу. Он скажет, что ни в какой больнице не был. Либо был, но совсем в другой. А даже если Нойман не придет, что я буду делать после выписки из больницы? Выйду за ворота и что? Даже если в кармане будут документы Ноймана, пользоваться ими будет нельзя. Ни в гостиницу устроиться, ни билет домой купить. Даже до консульства доехать и то может оказаться проблемой.

Придется идти сдаваться в полицию. Как-то объяснять ситуацию, почему у меня на руках чужие документы и что я делал все это время. Надо будет называть настоящее имя. Потом начнется тягомотина с оформлением бумаг через консульство, которая неизвестно сколько протянется. Надо будет на что-то покупать билеты, чтобы уехать домой. И вишенкой на торте – оплата лечения. Счета на Ноймана наша страховая не примет. Доказывать, что я здесь числился под другим именем, можно долго и почти безнадежно.

Все, шарик сдулся! Я повалился на кровать. Думать и что-либо делать не хотелось.

Глава 5. Новый пациент

Наутро после празднования по поводу нового звания у племянника фрау Хотберг, как обычно, отправилась на работу. Она работала в местном госпитале больше двадцати лет. В работе медицинской сестры знала все и немного больше. При желании во многих случаях могла сама поставить диагноз пациенту и назначить курс лечения. Но зачем отбирать хлеб у врачей? Работа выполняется лучше, когда каждый занимается своим делом. Подстраховать, конечно же, можно, но только тогда, когда иначе не получается.

Врач и медсестра дополняют друг друга, но роли и отношение к пациентам у них разные. Врач вполне может вести себя жестко. Он строго опрашивает пациентов, отделяя реальные жалобы от мнимых, он придирается к каждой цифре анализов и каждому пятнышку на рентгеновском снимке. Врач своими манипуляциями может причинить боль, когда это необходимо для выздоровления больного.

Позиция медицинской сестры намного мягче. Она может выделить больному чуть больше времени, смягчить действия при выполнении массажа и других процедур. И вообще, медицинская сестра может просто утешить больного, не торопясь, выслушать его жалобы на все, на все, на болезнь, на родственников и сослуживцев, на бездушных врачей, в конце концов. Нет, не все врачи и медсестры вписываются в это описание. Бывают очень мягкие врачи и бездушные сестры. Но в основной массе описанное соотношение выдерживается.

Пациент должен быть уверен, что его правильно лечат. Есть мелочи, которые разрушают это впечатление. Запах табачного перегара, грязные ногти, мягкая медицинская форма – вещи бытовые, но нужно понимать, что на больного они действуют сильнее, чем на здорового. Напротив, когда медик аккуратен, пунктуален, не отвлекается в момент работы с больным, это повышает доверие к нему.

Клара Хотберг усвоила эти правила еще в молодости, когда пришла в эту профессию. Собираясь на работу, она всегда следила, чтобы ее одежда была чистой и опрятной, обувь удобной и устойчивой. У медсестры не должно быть длинных ногтей, но маникюр все равно необходим, чтобы руки выглядели красиво. Макияж минимальный, в естественных тонах и без ярких деталей, которые могут вызвать раздражение. Ей, в отличие от актрис, не нужно привлекать к себе внимание ярким внешним видом. Человеку рядом с ней должно быть тепло и уютно, это один из маленьких секретов хорошей работы.

Вот и сегодня перед выходом из дома Клара надела кремовую блузку и юбку песочного оттенка, удобные туфли на невысоком каблучке. Чтобы избежать морщинок в углах глаз, взяла широкополую шляпку, прикрывающую глаза от ярких солнечных лучей.

До работы – минут двадцать средним шагом. Можно было и на автобусе доехать, но обычно Клара предпочитала ходить до госпиталя и обратно пешком. И даже не потому, что это рекомендовали специалисты по здоровому образу жизни. Ей самой было приятно устроить перед работой небольшую разминку, а после работы сбросить усталость, двигаясь в том темпе, который подходит по ситуации. Этому помогало и то, что маршрут проходил не вдоль магистрали, а по улицам с небольшим движением. Дома вдоль дороги, украшенные большим количеством зелени, смотрелись симпатично. Обязательные ящики с геранью на подоконниках, клумбы и цветущие кустарники на полосках между тротуаром и домом. Фигурные поручни на лестницах, ведущих к дверям.

По дороге к Кларе присоединилась Ингрид, медсестра из хирургического отделения. Они были давно знакомы и часто встречались по дороге на работу. Время от времени они обсуждали последние медицинские или городские новости. Эта попутчица не входила в ближний круг Клары, но все-таки была чуть больше, чем шапочной знакомой. Общая работа, похожие проблемы, короче, поговорить им было о чем. Попутчица спросила, много ли у Клары сегодня

будет работы. Та ответила, что узнает об этом на месте. Вчера у нее выписался последний из подопечных пациентов. Сегодня, если вдруг появится, у нее будет кто-то новый. А не появится, тогда ее отправят помогать другим коллегам. Обычное дело.

На посту, как и предполагалось, ее ждала папка с бумагами про нового подопечного. Его привезли вчера вечером на машине скорой помощи. Пациент был без сознания, в состоянии легкого алкогольного опьянения, какое обычно бывает после нескольких кружек пива. При первичном осмотре выяснилось что переломов и других повреждений, требующих хирургического вмешательства, у него нет. Признаков алкоголизма и отравления тоже не было, печень была в норме. Пульс и давление были низкими, этим, возможно, и объяснялось его бессознательное состояние. Дежурный врач сделал укол для поддержания работы сердца. Интенсивная терапия не требовалась, поэтому его поместили в палату в терапевтическом отделении, поместив, что потребуется наблюдение невролога.

Одежду пациента отправили в чистку. В кармане костюма нашлась карточка медицинского страхования на имя Клауса Ноймана. При проверке в системе было установлено, что карточка действующая, платежи за последние месяцы поступали регулярно, задолженности не было. Для госпиталя это означало, что проблем с перечислением денег за лечение из страховой кассы быть не должно. В брючном кармане имелось несколько банкнот и монет. Их сложили в пакетик и спрятали в один из больничных сейфов. Позже, когда пациент придет в себя и начнет самостоятельно передвигаться, эти деньги ему вернут.

Карточка страховки была единственным документом. Паспорта, водительских прав, вообще любых бумажек, по которым можно было что-то узнать о человеке, в одежде не было. Информацию об отсутствии документов передали в полицию. Вместе с ней сообщили координаты женщины, которая обнаружила пациента.

Ознакомившись с бумагами, Клара заглянула в палату номер двадцать три, где лежал новый пациент. На кровати под тонким одеялом лежал мужчина среднего роста со светлыми волосами и короткой стрижкой. На первый взгляд можно было предположить, что он приближается к пенсионному возрасту. Дышал очень тихо. Клара взялась за запястье, послушала пульс. Он был редким, намного реже, чем бывает у здорового человека. Ногти имели слегка синеватый оттенок. Спит он или находится без сознания, понять было трудно. Судя по тому, что на прикосновения никакой реакции не последовало, скорее всего, он действительно находился в обморочном состоянии.

Клара сходила на пост к дежурной медсестре и по записям в журнале убедилась, что с момента поступления он в сознание не приходил. Однако, поскольку после поддерживающего укола пульс и давление были стабильными, то никаких действий по выводу мужчины из обморока ночью проводить не стали.

В девять часов начинался врачебный обход. Перед обходом Клара сходила к Клаусу и еще раз померила давление и пульс. Сорок восемь ударов в минуту в состоянии покоя это неплохо. Когда в палату пришел врач, который должен был заниматься новым пациентом, Клара сказала ему, какие у больного пульс и давление. Врач прослушал тоны сердца, легкие, обратил внимание на голубоватый оттенок ногтей, сразу назначил капельницу с глюкозой и инъекции витаминов.

Ближе к двенадцати, когда обход был давно завершен, врач зашел еще раз. К этому моменту пульс поднялся до пятидесяти двух, что было расценено, как хороший признак. До конца дня Клара еще несколько раз заходила в палату, но там все было без изменений, больной лежал неподвижно, тихо дышал.

После обеда из полиции пришла информация о том, что на месте, откуда забрали больного, никаких документов, предметов одежды и других бумаг не нашлось. Это создавало определенные сложности. Наличие карточки медицинского страхования решало всего два вопроса. Первый – имя пациента. Второй – возможность оплаты его лечения. И все. Обычно, когда

человек оказывается без сознания, по документам выясняется, где он живет. По адресу можно найти родственников, сослуживцев, да хотя бы просто соседей, которые что-то знают о человеке.

А в этом случае возникали проблемы с такой бытовой мелочью, как одежда. Те предметы, которые были на нем, через два дня вернутся из прачечной. Но сменить их будет не на что. Как только они запахаются, человек опять окажется без одежды. Клара подошла с этим вопросом к сестре-хозяйке. Сказала, что сейчас, пока собственная одежда в чистке, у пациента нет вообще ничего, а родственников они найти не могут, разве что те сами начнут искать пропавшего человека.

Сестра-хозяйка спросила, какие нужны размеры. Они сходили вместе на склад, нашли в вещах, ранее привезенных из благотворительного фонда, рубашку, штаны на резинке и легкие тапочки. Вещи взяли размером чуть побольше, с учетом того, что в первые дни у больного будут проблемы с координацией, и просторные вещи будет проще надеть. Запасы на складе были невелики. Сестра-хозяйка пообещала, что когда получит вычищенные вещи, запишет размеры и попросит в благотворительном фонде несколько комплектов.

Отправляясь после работы домой, Клара записала в постовом журнале свои наблюдения за состоянием пациента. На следующий день, проверяя записи, она не увидела никакой информации об изменениях в состоянии Клауса.

Первое, что Клара увидела, зайдя к нему утром в палату – открытые глаза больного. Улыбнувшись, она пожелала ему доброго утра. Он не ответил, хотя Кларе показалось, что какое-то выражение на его лице появилось. Нет, не улыбка, и тем более не гримаса боли. Скорее удивление. Точно она это сказать не могла. Понятно, что первые реакции у больного, очнувшегося после обморока, могут быть самые разные. В ее практике бывало, что очнувшийся пациент начинал ругаться и скандалить. Кто-то ударялся в слезы. Эта реакция была не хуже других. Посмотрим, что будет дальше.

Клара спросила, как он себя чувствует. На этот вопрос больной ничего не ответил. Тогда она рассказала ему, что его привезли на скорой, и он находится в госпитале уже две ночи. Пояснила, что у него низкий пульс и давление, что ему назначена поддерживающая терапия. Старалась говорить медленно и четко, понимая, что больной человек часто плохо сообщает. Но здесь... здесь реакции не было вообще никакой. Клаус лежал и смотрел на нее, по нему было совершенно не понятно, слышит ли он ее, понимает ли. Ей стало казаться, что первая реакция на пожелание доброго утра ей почудилась, что на самом деле и тогда не было никакой реакции.

Ей уже приходилось работать с больными, у которых были нарушения речи и слуха. Чаще всего общение с такими больными строилось на основе жестов и прикосновений. Пациента «вели», держа за одну или две руки. И не только в части ходьбы. Если нужно было одеть такого человека, поступали, как с младенцем, брали руки и натягивали на них рубашки или блузы, аналогично поступали с одеванием штанов и обуви. Обычно после пары повторений такие пациенты начинали сами одеваться, когда им в руки давали одежду. На процедуры их часто возили на кресле-каталке, а если пациент мог идти сам, то его сопровождали до нужной двери, показывали, куда нужно сесть или лечь.

Все действия проговаривали, бывало, что с какого-то момента звуковой канал общения включался, и надобность в вождении за руку исчезала. Так Клара решила поступать и с Клаусом. Помогла одеться, потянула с кровати, чтобы он встал на ноги, и стала водить по палате, вперед-назад. Первая прогулка была недолгой, рейса три до окна и обратно. После нее Клаус сел на кровать. Клара спросила, не хочет ли он полежать? Он повернул голову в сторону подушки, потом опять посмотрел на Клару, но лечь не стал.

Давайте попробуем покормиться. Клара развернула и поставила перед ним столик, сходила до комнаты, где сервируют питание, и принесла ему порцию овсяной каши и стакан теплого кофе с молоком. Клаус взял ложку в руку, зачерпнул и... ложка пошла куда-то чуть выше переносицы. Клара была рядом, перехватила руку, не дав ей завершить неверное движение, подвела руку с ложкой ко рту. Во второй раз повторилось то же самое. Стало понятно, что рука пока не слушается.

Пришлось кормить больного, как младенца. Он послушно жевал и проглатывал кашу. Стакан она тоже поднесла к его рту сама. После кормления Клаус повалился на подушку и закрыл глаза. Это было вполне естественно. Клара прикрыла его одеялом и оставила отдыхать.

Пока Клаус спал, она сходила в ординаторскую, подошла к неврологу и рассказала о состоянии Ноймана, его действиях и результатах. Упомянула о том, что больной, которого привезли в бессознательном состоянии, не только не говорит, но почти не подает признаков того, что слышит слова, обращенные к нему. Что у него проблемы с пальце-носовой пробой¹⁴. Договорились, что, когда Клаус в очередной раз проснется, она пригласит врача, чтобы тот сам провел осмотр на предмет диагностики неврологических нарушений.

Мышцы у Клауса были вялые, расслабленные. В следующий раз, когда Клара увидела, что больной проснулся, она сделала ему массаж. Промяла основные мышцы на руках и ногах, чтобы избежать застойных явлений, активировать их работу. После массажа заставила встать и походить по комнате. Теперь дело не ограничилось тремя рейсами, их количество приблизилось к десяти. Работая по привычной схеме, проговаривала действия, сказала, как ее зовут. Пообещала, что заниматься его лечением будут активно, чтобы в течение недели полностью поставить на ноги.

Невролог, заглянувший после обеда, понаблюдал за пациентом, попытался заговорить с ним. С тем же результатом, почти полным отсутствием реакции на слова. Чтобы провести пальце-носовую пробу, ему пришлось показать на себе, что именно должен делать пациент. Эта проба входит в схему осмотра неврологов давным-давно, любой человек за свою жизнь делал ее много раз. Вот и Клаус, явно понял, чего от него хотят, вытянул правую руку, закрыл глаза и попытался подвести палец к носу. Ничего не изменилось, палец шел ко лбу. Проба с левой рукой вообще не получилась, на половине движения рука бессильно опустилась вниз.

Врач сказал, что нарушения в работе нервной системы видны, как говорят, невооруженным глазом. Пообещал, что сейчас сразу же сделает назначения. Нужно будет провести курс препаратов, обеспечивающих восстановление нервных связей и снабжения мозга кислородом. Когда больной сможет двигаться активнее, обязательно выводить его во двор госпиталя, чтобы ему приходилось ходить не только по плоскому и гладкому линолеуму, но и по неровностям, по камушкам, небольшим подъемам и спускам.

Клара не стала затягивать с началом курса, сразу же после получения листа назначений поставила первые два укола. Когда она вводила препараты, пациент застонал. Не удивительно, давно известно, что уколы этих препаратов болезненны. В том месте, куда вводится препарат, часто остаются плотные желваки, которые рассасываются на следующий день, а бывает, что и через два-три дня. Чтобы желваки рассосались побыстрее, Клара помассировала зону укола.

На следующий день к Клаусу пришел специалист по лечебной физкультуре, принес эспандеры, грудной и кистевой. Клара предупредила о проблемах общения и врач ЛФК¹⁵ точно так же, как и сама Клара, в объяснениях полагался не столько на слова, сколько на демонстрацию действий, заставил пациента сжимать в руке колючий шарик.

¹⁴ координационный тест для оценки состояния двигательного аппарата

¹⁵ Лечебная физкультура

Сестру из пищеблока Клара тоже предупредила. Та, принеся тарелки, не ушла сразу, а посмотрела, как больной будет справляться с приборами. Пару раз ей пришлось помогать с правильными движениями, направлять руку в нужное место. Впрочем, за счет лечения, массажа и уколов эта проблема была устранена за один день. Дальше пациент питался самостоятельно.

Клара заметила, что Клаус постепенно начал реагировать на ее слова. Проще всего было с уколами. Там и слов не надо. Увидел подготовленные шприцы – ложись и терпи. Когда Клара говорила, что надо ходить, он вставал и начинал ходить по палате. Он правильно реагировал, когда она что-нибудь говорила про левую или правую руку, поворачивал голову в указанном направлении.

Все это было хорошими признаками. Как и то, что прогулки по комнате и занятия с эспандерами Клаус теперь делал не только по команде, но и самостоятельно, периодически делая перерывы для отдыха. Явно был настроен на то, чтобы вылечиться побыстрее. Он пока не разговаривал. Клара считала, что речь восстановится на следующем этапе, пока же можно порадоваться имеющемуся прогрессу в общении и движении.

Казалось бы, ничего не предвещало неприятностей. На четвертый день с утра все шло своим чередом. Завтрак, уколы, гимнастика, массаж... После обеда Клара планировала продолжить программу лечения, зашла в палату и оторопела. Клаус, обычно встречавший ее с улыбкой, неподвижно лежал на кровати. На ее голос и прикосновения не реагировал. Никак. Она испугалась, что он потерял сознание, но нет. Глаза были открыты, мышцы напряжены, насколько это было возможно в его состоянии. Когда она попробовала потянуть его за руку, отстранился. Он не произнес ни звука, но в его жесте явно читалось «Отстань».

Это было неожиданно. Клара раньше сталкивалась с подобными ситуациями. Так пациенты вели себя в случаях, когда получали тяжелые известия. После получения информации о последней, неоперабельной стадии рака, после внезапного выкидыша. Но здесь-то ничего такого не было. Никто не говорил Нойману о внезапно ухудшившемся прогнозе течения болезни. Все занимались исключительно его реабилитацией. С Клаусом плотно общалась только она сама и два врача. Девушки из пищеблока приносили завтраки и обеды, забирали тарелки и никак иначе не контактировали с больным. Другие пациенты тоже вряд ли могли что-то сказать, они были заняты собственными проблемами.

Впервые за многие годы работы в госпитале Клара растерялась. Она еще раз попробовала поговорить с пациентом, сделать речь более эмоциональной. Несколько раз повторила его имя и фамилию. О, ужас! После этих повторов Клаус полностью отключился, потерял сознание. Клара взяла тампон с нашатырным спиртом, поднесла к носу. Это принесло свои плоды, обморок прекратился. Клаус приоткрыл глаза, застонал. И все. Больше он делать ничего не стал.

Когда Клара попыталась приподнять его руку, та безвольно упала обратно на кровать. Все четырехдневные труды в один момент пошли насмарку. Добиться от Клауса хоть какой-то реакции до конца дня не удалось. Клара подумала, что в прошлый раз прогресс обозначился утром, решила проверить, может это произойдет еще раз.

Глава 6. Вокзальная рутина

ДАРМШТАДТ-ГЛАВНЫЙ ВОКЗАЛ

Полицейское отделение *Дармштадт-Запад*

Протокол изъятия забытых вещей из камеры хранения

Присутствовали:

сержант полиции Хельмут Ташке

заведующий камерами хранения вокзала Инга Зильберфарб

перронный рабочий Карл Бюссене

Дата изъятия *11 мая 200_ года.*

Время: 16:08

Секция А, Ячейка №37, верхний ряд.

Хранение оплачено наличными *10 мая*, оплаченный срок хранения истек *11 мая в 8:40.*

Содержимое ячейки:

Одна черная сумка из синтетической ткани с двумя ручками, плечевой ремень зафиксирован под днищем. Сумка и накладные карманы закрыты на застежку молния, замки на застежках отсутствуют. Размеры сумки: длина 46 см, ширина 28 см, высота 30 см.

При вскрытии в сумке обнаружены:

Рубашки мужские 2 шт.

Трусы мужские 2 шт.

Плавки мужские эластичные 1 шт.

Носки мужские 3 шт.

Тапочки из пористого пластика 1 пара

Носовой платок 1 шт

Гигиенические принадлежности (зубная щетка, зубная паста, одноразовая бритва)

Зарядное устройство для мобильного телефона со шнуром 1 шт.

Документы и бумаги отсутствуют

Запрещенных вложений, лекарственных средств нет

Вещи чистые, пятна крови не выявлены

Места производства имеющихся предметов (по ярлыкам): *Китай, Турция, Германия, не позволяют определить национальную принадлежность их владельца.*

После проверки сумка передана на склад забытых вещей для хранения в течение 30 календарных суток. По истечении установленного срока сумка с вещами должны быть утилизированы.

Глава 7. Выездной концерт и рыбалка.

По проселочной дороге, неспешно пыля, катился небольшой автобус. Он отправился в путь сразу после обеда, почти два часа ехал по асфальтированным дорогам и уже больше пятнадцати минут катил по проселку. Водитель вел машину очень аккуратно. Его перед выездом предупредили, что в салоне повезут музыкальные инструменты. А еще он сам увидел, что большинство пассажиров его автобуса школьники в возрасте от 12 до 16 лет. Музыкальные инструменты везли в футлярах, защищающих их от внешних повреждений, но все равно предосторожность не считалась излишней.

На автобусе ехала школьная концертная бригада. Шесть музыкантов, две певицы, два парня, показывавших юмористические сценки и их руководитель. Кроме баяна они везли с собой четыре балалайки разных размеров, барабан и звонкий треугольник. На всю компанию у них были три брезентовые палатки, потому что концерт должен был закончиться поздно. Ночевать планировалось на месте, а домой возвращаться наутро. После концерта ожидался ужин у костра. Ребята прихватили с собой простые удочки и банку с наживкой. Удилища для них обычно находили на месте, а без удилища удочка выглядела, как небольшая рогулька с намотанной на нее леской с поплавком и крючком.

После очередного поворота впереди завиднелась гладь широкой реки, дорога резко пошла под горку. Еще пять минут и автобус выкатился на большую поляну в сотне метров от берега реки. На краю поляны за оградой из жердей стоял небольшой дом. Подъехав к ограде, автобус остановился и открыл двери. Уставшие от долгого сидения ребята радостно выскочили на лужайку.

От дома к ним навстречу, чуть прихрамывая, шел пожилой мужчина. Он поздоровался с руководителем и артистами, сказал, что его зовут Сидор Михайлович, отвечает за работу сельского клуба. Накануне он повесил объявление о концерте с началом в 7 часов вечера, а пока люди соберутся, пригласил всех приехавших подкрепиться с дороги. На столе стояли несколько банок с молоком, лежали крупно нарезанные ломти хлеба. Хлеб, судя по тому, что ломти были еще теплыми, выпекли недавно. Приглашение приняли с восторгом.

После того, как артисты подкрепились, Сидор Михайлович показал им, где лучше поставить палатки, принес заготовленные колышки. Затем провел их к месту проведения концерта. Там стояло несколько рядов скамеек, опирающихся на вкопанные в землю чурбаки. В качестве сцены использовался хорошо утоптаный участок земли перед первым рядом скамеек. В этом зале артисты и зрители располагались под открытым небом.

Из дома принесли табуретки для музыкантов. Николай попросил дать небольшую дощечку. Его балалайка, самая большая в ансамбле, опиралась на металлический штырь. Утоптан грунт был недостаточно, без дополнительной опоры штырь проваливался. Ноты музыканты с собой не брали. Они знали, что на улице их легко может сдуть даже небольшой ветерок. Программу для таких выездных концертов учили наизусть.

Зрители начали собираться минут за двадцать до назначенного времени. Они подходили с разных сторон, постепенно занимали скамейки. Дошколята подходили к музыкантам, осторожно трогали инструменты. Струны им трогать не позволяли, но сами могли сыграть несколько нот, короткую музыкальную фразу. Этого было достаточно, ребяташки, послушав звуки, убегали и рассаживались на скамейки.

Наконец начался концерт. Руководитель объявлял номер, делал знак артистам. Дальше его участие не требовалось, маленький ансамбль сам выдерживал нужный темп. После двух инструментальных номеров настала очередь вокалистов. Девчонки пели поодиночке и дуэтом. После певиц выступали артисты разговорного жанра, как их тогда было принято называть. Зрители старательно аплодировали после каждого номера. Дольше всего хлопали юмористам.

Первая часть концерта завершалась тремя инструментальными пьесами. Во второй участвовали только баянист и певицы. Если в первой части они исполняли арии и романсы, то во второй баянист играл мелодии из популярных фильмов. Зрителям предложили подпевать. Понятно, что не у всех был музыкальный слух. Но это не страшно, когда душа поет. Аплодисментов после каждой песни было не меньше, чем в первой части.

После концерта на небольшой поляне разложили костер. Кто-то из местных заранее принес дрова, сложил их шалашиком. Неподалеку нашлась пара бревнышек, их подкатали поближе, чтобы сидеть, ощущая идущее от огня живое тепло. На бегущую воду и языки пламени смотрели первобытные люди, смотрим при случае и мы с вами. На всех континентах и в любом возрасте. В пламени сгорает усталость, обиды и печали. Вечера у костра объединяют ранее незнакомых людей. Люди входят в светлый круг и темнота над ними уже не властна.

Разговоры у костра велись обо всем. Обо всем, что было интересно, о музыке, которую слышали, играли, готовили к следующим концертам. Когда испеклась картошка, ее выкатили из кострища, ребята расхватили обжигающие клубни. Сидор Михайлович принес две большие банки с квасом.

Один из музыкантов достал свою балалайку, над костром полилась знакомая мелодия. Здесь было всего-то с десяток человек, это была музыка для своих. Пели тоже все. Не из концертной программы, а так, из любимого. Догорающий день был наполнен событиями, все устали и потихоньку начали разбредаться по палаткам. Последние дождались, чтобы погас костер, и тоже отправились спать.

Николай проснулся на рассвете. Пока все еще спали, решил сходить на берег Томи порыбачить. Взял привезенные с собой снасти и наживку, по узкой тропинке спустился на берег. Прибрежные кусты поодаль скрывались в полосе тумана. Томь в этом месте довольно широкая, от берега до берега метров двести-триста. Другой берег еще не был виден. Разглядеть его удалось только через полчаса, когда солнечные лучи разогнали туман. Тишину изредка нарушали шелест листьев и редкие всплески на воде. Возможно, где-то неподалеку рыбки охотились на комаров.

У воды стояла высокая фигура. Когда Николай подошел поближе, то увидел, что это все тот же Сидор Михайлович. Он рыбачил на донку-закидушку. Концы лески были привязаны к колышкам, воткнутому в берег. Николай так еще ни разу не ловил, он собирался найти длинную ветку из прибрежного кустарника, срезать ее ножом и использовать в качестве удилища. Увидев, как парнишка присматривается к кустам, Сидор Михайлович сказал: – Подожди, здесь есть запас. – Отошел чуть в сторону и вернулся с готовым удилищем. – У меня внучка иногда рыбачит, можешь попользоваться.

– Ой, спасибо! – Николай быстро привязал леску к удилищу, прошел чуть ниже по течению и закинул удочку в реку. Течение потихоньку сносило поплавок. Когда леска натянулась, приходилось поднимать удилище и забрасывать удочку заново. Примерно на пятый раз поплавок вдруг дернулся и нырнул. Николай подсек и вытащил небольшого карасика. Рядом с Сидором Михайловичем стояло ведро с водой. С его согласия рыбку, снятую с крючка, положили в это ведро. Понятно, что музыканты не собирались варить на завтрак уху или везти по жаре рыбу домой. Если бы не было местного рыбака, пойманную рыбу пришлось бы отпускать в реку. А так, вместе с его собственным уловом получалось чуть больше.

– Скажите, пожалуйста, а вы на фронте были? – спросил Николай.

– Да, пришлось повоевать.

– Всю войну?

– Нет, сначала я был в запасном полку, на фронт попал только в сорок третьем, когда мы уже пошли вперед. Закончил войну в Дрездене.

– Там было очень страшно?

– Да, бывало. Но нас хорошо научили, что страх надо перебарывать. Кто не смог справиться со своим страхом, начинал паниковать, почти всегда погибал.

– Немцы, они противные были?

– Да, были противные и злые. А когда в плен попадали, были жалкие.

– Ну и поделом им.

– Противным – поделом. Но я не только противных видел. Вам же рассказывали, что наши бойцы в Германии из своих кухонь немцев кормили?

– Да, рассказывали. Мы не совсем поняли, у них что, своей еды не было что-ли?

– У многих не было. Там по-разному получалось. Кто в плен попал, их работать заставляли, под охраной. И кормили с отдельных кухонь. Но были еще и гражданские, в основном женщины и старики. Они разбирали обрушенные здания, заделывали ямы на дорогах. С утра до вечера таскали камни и железки. Мы видели, какими усталыми эти немецкие бабы шли после работы. Ничем не отличались от наших баб, работавших в колхозах.

– Вам их было жалко?

– Да, жалко. Мы же ж понимали, что не эти бабы затеяли войну. Что ко многим из них мужья после войны не вернутся. Потому что погибли. Точно так же, как у нас дома. Знаешь, сколько женщин получили похоронки? Страшно представить, как они после этого жили. И еще. Пока мы воевали, мы старались уничтожить их войска. Но когда все кончилось, наша злость утихла. Было у нас пара таких, которые требовали мстить всем немцам. Но остальные мстить не могли. Перегорело. Кончилась война, кончилась и злость.

– Вы там долго пробыли после войны?

– Полгода.

– А позже?

– Позже не бывал. Наверное, можно было прокатиться, в ГДР туристические группы ездили. Но я не собрался. Знаешь, что еще скажу. Там были красивые места. Леса красивые, Эльба между гор течет. Про это в разных книжках написано. И мало где написано про зорьки на Томи. Посмотри, какая здесь вокруг красота. Эта широкая спокойная река, этот простор. Тут неподалеку есть скала, на ней рисунки древних людей. К Томской Писанице каждый год тысячи людей приезжают.

– Интересно.

– Да, у тебя активная жизнь только начинается, ты в разных местах побываешь. И на Томской Писанице и на Эльбе, а может, и на Рейне. Мы до Рейна не дошли. Жизнь меняется, может быть и туда будет съездить так же просто, как в Ленинград или Сухуми.

Позже при случае Николай вспоминал этот разговор. На берегу Лабы – Эльбы, Луары. На Рейне тоже побывал, когда их с группой привезли на Рейнский водопад.

Часть 2. Расправить крылья

Глава 8. Вернуть интерес к жизни.

На выходе из дома Клара поймала себя на мысли, что сегодня идет на работу раньше обычного почти на двадцать минут. Этой ночью она спала беспокойно, несколько раз просыпалась. В полтретьего ночи, встав в очередной раз, съела пару конфет, запила теплым чаем. Помогло не очень, утром она проснулась за десять минут до будильника. Собиралась вроде бы, как обычно, но опять-таки получилось быстрее. Ей не нужно было искать причины плохого сна и раннего подъема. Вчерашний рабочий день завершился неудачно. Ее подопечный пациент внезапно перестал выполнять назначения и отзываться, когда к нему обращались.

Всякий раз, когда предстоял тяжелый день, Клара обязательно шла на работу пешком. Быстрая ходьба позволяла проветрить голову, разогнать кровь по телу, настроиться на серьезную работу.

Переодевшись в рабочую форму, она первым делом зашла в палату номер двадцать три. Больной был в сознании. Не спал, смотрел в потолок, лежа на спине. Клара поздоровалась, ответа не получила. Взяла пациента за руки, потянула. Он послушно сел, потом встал. Держа за руку, она провела его несколько раз до окна и обратно. Когда Клара отпустила руку, постоял минутку, подошел к кровати и опять лег на нее. Он не сопротивлялся, но не проявлял ни малейшего интереса к движениям и действиям, необходимым для выздоровления.

Клара померила ему пульс и давление. До начала осмотра успела переговорить с лечащими терапевтом и неврологом. Во время утреннего осмотра они зашли в палату вместе, осмотрели больного. Попытались поговорить с Клаусом – с тем же результатом. Вышли из палаты, позвав медсестру с собой. Регламент предусматривал, что при потере мотивации к лечению полагается подключать психолога, а иногда и психотерапевта. Но здесь это не имело смысла. Вся работа упомянутых специалистов базируется на словесном общении с больными. Они задают вопросы, слушают ответы. По ответам оценивают состояние и только тогда назначают лечение либо говорят, что это вне их дисциплины. Клаус не отвечает ни на какие вопросы. Звать психолога бесполезно.

Врачи предложили Кларе понаблюдать, как больной будет реагировать на раздражители, которые до сих пор не применялись. Можно включить у него в палате радио или телевизор, проверить, будет ли реакция на разные передачи. Можно включать музыку. Тоже разную, от классики до рэпа.

Если Клаус никак не отреагирует на телевидение и музыку, можно вывезти его на коляске в госпитальный парк. Хорошо было бы, если удастся заставить его ходить по дорожкам. Может быть, его удастся «разбудить», когда он окажется на берегу ручья, протекающего через парк. Кларе предложили импровизировать. Она могла придумывать что угодно. Главное, заметить признаки того, что Клаус к чему-нибудь неравнодушен. Потом будем «плясать от этой печки».

Телевизор в палате установили через час после завтрака. Поставили его на высокую подставку в ногах кровати, чтобы можно было смотреть его лежа. Клара поставила рядом с изголовьем кровати стул, расположилась так, чтобы хорошо видеть лицо Клауса. Взяла в руку пульт от телевизора и нажала кнопку первого канала. Подождав пару минут, переключилась на второй, третий... На каждом канале задерживалась на две-три минуты. Если по программе шла передача, похожая на ранее просмотренные, время ожидания сокращала до минуты, а то и меньше. Рекламу не пропускала. Рекламные ролики обычно довольно яркие и громкие, картинки там бывают разнообразные. Вдруг какая-нибудь из них окажется той самой, привлекательной для больного и включающей внимание и процесс общения.

Время шло, номера каналов увеличивались и увеличивались, но Клаус на все смотрел равнодушно. Ему не были интересны «говорящие головы» политиков, известных людей и ведущих ток-шоу. Его не заинтересовали спортивные репортажи. Ни футбол, ни велогонки, ни летний биатлон. Трансляции шахматных репортажей не попало, но Клара и не надеялась, что характерная для них статичная картинка окажется более привлекательной, чем динамичные виды спорта. Под трансляцию сто сорок девятой серии какого-то сериала Клаус вообще задремал. Пришлось прервать телевизионный сеанс.

После обеда и гимнастики, которую пациент выполнял под контролем медиков, просмотр телевизионных каналов продолжился. В этой части было больше музыкальных программ. Клара любила музыку, на некоторых каналах задерживалась подольше, иногда до конца музыкального произведения.

Периодически попадались познавательные программы, про моря и океаны, про жизнь в джунглях. Пару раз на экране появлялись исторические передачи, про жизнь в Средние века, про Древний Рим. Может быть, Клаусу что-то и было интересно, но понять это было невозможно. Уставшая от необычной деятельности Клара начала думать, что он разгадал замысел врачей и каким-то образом контролирует себя, не дает эмоциям отразиться на лице.

По ее мнению день прошел впустую. Ей и ее коллегам удалось выполнить программу физических упражнений. Но все это ценой непрерывного контроля, когда пациента постоянно вели, заставляли делать те или иные движения. На слова больной по-прежнему не реагировал, самостоятельно упражнения делать не хотел.

Клара, чего с ней почти никогда не бывало, начала сердиться не сложного пациента. На пациента и на себя. Она вдруг выяснила, что ее опыта и умений оказалось недостаточно в этой ситуации. Мысль о том, что врачи тоже не могли предложить ничего хорошего, чтобы справиться с проблемой, грела слабо.

После работы она решила не ограничиваться пешей прогулкой до дома по обычному маршруту. Вначале пошла в противоположную от дома сторону. Погуляла в парке, посмотрела на тренировку лучников. Выйдя из парка, неожиданно встретила Карла, рабочий день которого тоже закончился.

– Добрый вечер! Ты как здесь оказалась?

– Гуляю.

– Гуляешь? Что-то новенькое. Обычно по рабочим дням твои маршруты пролегают в другой стороне.

– Обычно да.

– Что у тебя сегодня случилось, что ты изменила привычке?

– Случилось... Помнишь, ты про Кассандру говорил несколько дней назад?

– Да, помню. А какое это имеет отношение к маршруту?

– Самое непосредственное. Я последние дни работаю с человеком, которого привезли на той самой скорой.

– Он не первый, кого привезли на скорой. В чем отличие?

– Во многом. Для начала, он вообще не говорит. В первый день, я думала, что он и не слышит, но потом заметила, что он правильно реагирует на определенные слова. Значит, все-таки слышит. Но это полбеда. Вчера с ним что-то произошло. У него резко ухудшилось состояние. Нет, физически ничего не изменилось. Но напрочь пропала мотивация к лечению. Первые дни он старался что-то делать, даже когда меня и врачей не было рядом. А вчера перестал. Если заставлять, постоянно контролировать, то что-то делает. Но стоит хоть на минутку отвлечься, прекращает, а потом ложится и лежит. Даже не спит, а так... У меня такого пациента еще ни разу не было. И у наших врачей, судя по всему, тоже.

– Ничего себе!

– Да, я в шоке. Понимаешь, у меня, как и у любой медсестры или врача, были пациенты, которых не удалось спасти. Это печально, но мы к этому привыкли. А у этого... организм, конечно, ослаблен, периодически бывают обмороки, но в целом прогноз был хороший. Мы вообще надеялись его выписать дней через семь-десять. Теперь все прогнозы рухнули, и ладно бы, только прогнозы. Мы просто не знаем, как вернуть ему интерес к жизни.

За разговором они потихоньку двигались по улицам. Вот уже и центральные кварталы. Пройти их, а там и до дома Клары недалеко.

В тени высокого дерева стояли двое. Поза у обоих была напряженной. Женщина на высоких каблуках выставила одну ногу чуть вперед, рукой прижала к себе сумочку, висевшую через плечо на высоком ремешке. Мужчина что-то говорил неприятным высоким голосом, слова разобрать было трудно. Он замахнулся, как будто собирался ударить женщину. Та отшатнулась.

Карл после работы был в форме. Оружия при нем не было, но опытному полицейскому оружие нужно редко, многие ситуации решаются не оружием, а уверенным тоном и официальным видом. Он сказал Кларе постоять в сторонке, сам ускорился и подошел к ссорящимся.

– У вас проблемы?

– Иди мимо, – бросил через плечо мужчина, даже не посмотрев, кто к ним подошел.

– Точно, проблемы. И сейчас их станет больше, – молниеносно среагировал Карл.

Мужчина и женщина повернулись к нему. Увидев человека в форме, мужчина сразу как-то уменьшился в размере, агрессивность его испарилась. Женщина, напротив, вздохнула с облегчением.

– Спасибо, офицер, проблемы если и были, то небольшие. А этот..., он сейчас уйдет.

Мужчина чуть помедлил, потом развернулся и пошел в сторону от центра. Прошел мимо Клары, не глядя на нее, и скрылся за поворотом.

– Ой, это вы!!!

Карл присмотрелся повнимательнее. Женщина была смутно знакома. Волосы были собраны в узел на затылке, губы яркие, на макияж явно было потрачено много времени и красок.

– Вы...?

– Хельга. То есть Лена.

Только сейчас, когда она говорила спокойным голосом, Карл понял, узнал молодую женщину, вместе с которой несколько дней тому назад они искали потерянные, да так и не найденные документы.

– Вы сейчас на работе, я правильно понимаю?

– Да, выскочила на пять минут и сейчас пойду обратно. – Она помолчала немного, – вам неприятен мой вид? Извините.

– Нет, не корите себя. В прошлый раз я вас видел совсем другой. Сейчас.... оказалось неожиданно. Вы имеете право выглядеть так, как вам хочется.

Клара, видя что двое общаются мирно, подошла к ним.

– Тетя, позволь тебе представить мою новую знакомую.

– Лена... а в этом виде – Хельга.

– Моя родная тетя Клара.

– Будем знакомы, – Клара протянула девушке руку.

– Лена – та самая девушка, которая нашла человека без сознания, – пояснил Карл.

– Ой, я так испугалась тогда... После поездки с вами понемногу успокоилась. – Девушка выглядела смущенной. – Спасибо, что прогнали этого... Я, пожалуй, пойду, с работы надолго уходить нельзя.

– Хорошо. Удачного вечера.

Девушка на первом перекрестке свернула. Карл и Клара пошли дальше.

– Так значит, это ты искал документы?

– Да, я.

– Ты же вроде начальник?

– Начальник-то начальник. Но с утра всех, кто ниже, разогнали по заданиям, я в момент звонка из госпиталя был самым свободным, вот и поехал сам.

– Выясняется, что тот вызов скорой тебя тоже коснулся.

– Ну как коснулся? Ты, похоже, правильно угадала, что моя причастность будет чисто служебной. Получил информацию, отработал и забыл. Совсем не так как у тебя. Надо же, как тебя зацепило, что вы не можете помочь человеку. Действительно, у меня сейчас появилось впечатление, что ты приняла это, как личную беду.

– Да, похоже на то.

Они немного помолчали. Клара заметила: – Девушка молодая. Понятно, что уже не школьница, но она так мило смутилась. Мне кажется, она больше всего смутилась оттого, что мы ее увидели в такой раскраске. Она у фрау Розиты работает?

– Да, она мне говорила, что у Розиты. Когда я предложил подвезти ее до работы, отказалась, сказала, что ей еще нужно переодеться. Переодеться, и как мы сегодня увидели, накраситься. Я подумал, что она еще и тебя застеснялась.

– Меня?

– Да. Ты ровесница ее мамы, человек другого поколения. У тебя очень аккуратный макияж, в естественных тонах. Возможно, что мама ругает ее за такой стиль, вот она и подумала, что ты тоже начнешь ее воспитывать. Я по возрасту ближе к тем, с кем она встречается на работе, мужчины за макияж обычно не ругают. Если бы я был один, она, возможно, не стала бы так торопиться. А тебя застеснялась.

– Ты прав, – она немного помолчала, – скажи, а сам ты спокойно отнесся к такому ее виду?

– А почему я должен беспокоиться? На работе нам с разными приходится работать, это еще не самый тяжелый случай. А почему ты спрашиваешь?

– Потому что она смутилась. Я думаю, ей не хотелось попадаться тебе на глаза в этом виде. Возможно, что она уже подумывает о том, что за такой выбор работы ей приходится слишком дорого платить. Платить потерей возможностей, доступных другим, кто у Розиты не работает.

– И что?

– Если бы мы сегодня не встретились, она могла надеяться, что еще раз встретит тебя. Не Хельгой, а Леной. Она понимает, что счастья никто не обещает, но почему бы не помечтать.

– Погоди, ты что, решила меня сватать?

– Нет-нет. Как ты мог подумать? К кому свататься, ты сам решишь, я вмешиваться не собираюсь. Мне стало интересно, насколько сильно на тебя влияет вот это, внешность и знание о том, что с девушкой было раньше. Она ведь могла тебе и не говорить, где работает, но решила быть честной.

– А может она просто дурочка, выболтала свой секрет и только потом спохватилась.

– Может быть и так. Ну ладно, что гадать. Время покажет. Спасибо, что проводил.

Действительно, они уже дошли до дома, где жила Клара. Они тепло попрощались, Клара пошла домой, Карл развернулся и тоже отправился восвояси.

Глава 9. Первое панно.

Его беспокоил диссонанс тонов. Нет, берлинская лазурь¹⁶ здесь неуместна. Нужен более темный оттенок, ближе к индиго. Только такой даст требуемую глубину тени от рекламной тумбы... Да, именно так, по контрасту с палитрой красных тонов на клумбе, от алого до темно-бордового.

Она любила красный цвет. Носила красные блузки разных оттенков и красные юбки. Еще в последнем классе, выйдя за ворота школы, немедленно мазала губы красной помадой. Окончив школу, в первый же вечер накрашила ногти красным лаком. Нет, не розовым, столь модным в том году, и не перламутровым. Ее ногти при подсветке могли работать вместо светофоров. Они и работали. Мужчины при ее виде столбенели и могли продолжать движение лишь, когда она скрывалась за углом. Или за чьей-нибудь спиной.

Волосы у этого ходячего стоп-сигнала были черными. Настолько, что по контрасту с красным в них проглядывали оттенки зеленого. Когда он всерьез увлекся живописью, узнал про цветовые пары – антагонисты, синий – желтый, зеленый – красный. Тогда ему стала понятна причина этого эффекта зеленого оттенка ее черных волос.

А еще она любила бегущую воду. Если она отрывалась от компании и пропадала из вида, нужно было посмотреть вокруг, нет ли неподалеку речки, водопада, фонтана, наконец. Ее завораживали солнечные блики, искорки и радуга водяных брызг. Она как будто собирала коллекцию водных красот. Стены в ее комнате были оклеены фотографиями водопадов. Там были репродукции, развороты из журналов. Была даже одна бумажная афиша, на которую автор поместил летящие струи.

В школе он сидел позади нее, в соседнем ряду. Обычно видел плечи и затылок, одно ушко и щеку. В те моменты, когда она поворачивала голову, ему становились видны длинные ресницы, чуть вздернутый носик. Так он ее и начал рисовать. В школе на листах, которые потом выдирал из тетрадей, дома – в альбомах. Среди этих рисунков было совсем мало с ракурсом в профиль и не было ни одного, на котором она смотрела на зрителя.

Вот и здесь, на этой стене в небольшом кинотеатре, она была изображена в десятках фрагментов, чаще со спины, иногда чуть повернувшись. Ему показалось забавным переодевать ее в платья разных стилей и расцветок. Но как бы он ни менял ее позы и костюмы, обязательно оставлял фрагмент образа, навсегда поселившегося в его памяти.

Их компания возникла случайно. Кто-то чинил свой мотоцикл, еще двое молодых мотоциклистов подошли посмотреть, как идут дела. Слово за слово, и в ближайший выходной они втроем отправились в поездку по малоезженным дорогам, на которых асфальта не было и в помине. После возвращения они, еще во власти дороги, обменивались впечатлениями на площадке перед домом. Она сама подошла к ним, красная-распрекрасная. Потрогала рукоятки на руле, посмотрелась в зеркало заднего вида.

- Нравится?
- Да!
- Давай прокатим. С кем поедешь?
- Со всеми по очереди.
- Только нам заправиться надо.
- А вокруг квартала горючки хватит?
- Хватит.
- Тогда поехали.

¹⁶ берлинская лазурь, индиго – оттенки синего, используемые в живописи

Первый из парней завел мотоцикл, другой дал ей свой шлем, помог застегнуть ремешок. Она села, обхватив мотоциклиста и прижавшись к его спине. Через пару минут она так же прокатилась со вторым, потом с третьим.

- Вы сегодня далеко ездили?
- До белой скалы, это примерно тридцать километров.
- А когда в следующий раз поедете?
- Через неделю, в воскресенье. Хочешь с нами?
- Хочу. Схожу на неделе, куплю себе шлем.
- Очки тоже купи. Пригодятся, когда скорость высокая или в дождь.

Они регулярно ездили вчетвером на трех мотоциклах. Она держалась ровно со всеми, не выделяя никого. Приходила с рюкзачком, в котором лежали бутылки с водой и бутерброды на всю компанию. На привалах быстро стелила скатерть, выкладывала продукты, потом все убирала. Иногда, если место было тихое, а ближние дорожки ровные, каталась сама.

На вопрос, не собирается ли купить собственный мотоцикл, ответила отрицательно, мол, зачем мне свой, мне нравится так, как сейчас. Парни на это облегченно вздохнули. Если честно, им всем нравилось ездить с ней. Своего одноклассника она никак не выделяла. Наверное, это было правильно, иначе компания могла быстро разбежаться. А так никто не чувствовал себя ущемленным, каждый мог надеяться.

Он перевел взгляд левее. На картине девушка была нарисована на лодочном причале. Рядом с причалом плавали лебеди, выпрашивая корм. Фрагмент картины с лебедями позволял ему снова и снова возвращаться к одному из самых приятных дней своей жизни. Напоминал поездку, когда в жаркий день они побывали на большом озере. Раскаленные мотоциклы закатали в тень под деревья, там же оставили верхнюю одежду.

Ее закрытый купальник был сшит из ткани с ярким рисунком. Поверх широких косых полос на нем были прочерчены тонкие спирали. Наверное, такой купальник можно было использовать в спортзале для гимнастических упражнений.

Берег и дно у озера были песчаные, пологие. Дальний берег виделся нечетко. Силуэты деревьев как будто струились в потоках воздуха, поднимавшегося от разогретой земли и воды. Похоже, что был небольшой ветерок, от него по водному зеркалу шла рябь, которая размывала отражение в воде дальнего берега и всего, что на нем находилось. Такой же размытой была граница между берегом и его отражением.

Густая полоса кустов слева от них спускалась к воде. Рядом с кустами был сооружен небольшой лодочный причал, около него плавали утки и пара лебедей. Она взяла кусок булки, прошла на причал. Отламывала кусочки и бросала в воду. На фоне размытой дали юная девушка выглядела изящной статуэткой. Он залюбовался совершенством ее форм, да что врать, захмелел от красоты.

Разогретые, они отправились купаться. Плавали наперегонки, дурачились, брызгали друг на друга водой. Кто-то предложил сплавить до другого берега, но его не поддержали, мол, зачем плыть в такую даль. Наплававшись, выбрались на берег. Теплый ветерок ласково овеивал влажные тела.

Обсохнув, они пообедали, разговаривали о том, о сём, загорали. Когда поехали домой, она села на мотоцикл к однокласснику, прижалась к его спине. Понимаете, это особенные ощущения. Одно дело ехать на мотоцикле в одиночку и совсем другое, когда к твоей спине прижимается теплое и мягкое. Это было невыносимой мукой, вести мотоцикл, не отвлекаясь на ощущения, не думая о девичьем совершенстве.

Расположенная почти по центру настенного панно афишная тумба смотрелась вызывающе. Она притягивала глаза неуместной угловатостью форм, кричащими красками. В перво-

начальном замысле картины не было никакой тумбы. Здесь была любовно выписанная девичья фигурка с букетом цветов. Которую он безжалостно уничтожил после неожиданной встречи.

В тот вечер они договорились сходить вдвоем в кино. Фильм шел уже давно, оба его уже смотрели, так почему бы не сходить еще раз, пользуясь тем, что очереди за билетами и толпы у кинотеатра не будет.

Первое настоящее свидание, у каждого оно когда-то было. Хорошее или несуразное, первое из многих или первое, оно же последнее. Все их объединяет одно. Первое всегда волнительное, полное ожиданий и страхов. Что из них сбудется? Придет – не придет? Улыбнется или будет холодной, равнодушной? Попрошайтается тепло или сбежит, не оглядываясь? Как себя вести? Что одеть? Что взять с собой? Можно ли к ней прикасаться? И как? А что сделает она? Позволит ли взять за руку? Интересно, на первом свидании целуются или нет? А когда целуются, куда деваются носы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.